

Правовая природа фактического принятия наследства: анализ пробелов законодательства и судебной практики

А. В. Потапова

ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: potapova.av @rea.ru

Legal Nature of Actual Acceptance of Inheritance: Analysis of Gaps in Legislation and Judicial Practice

A. V. Potapova

Assistant of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: potapova.av @rea.ru

Поступила 20.04.2025 Принята к печати 10.05.2025

Аннотация

Феномен фактического вступления в наследственные права давно занял устойчивое положение в системе наследственного регулирования Российской Федерации. При наличии предусмотренного законом порядка, основанного на подаче соответствующего волеизъявления нотариусу, на практике именно неформализованное вступление в наследство сохраняет свою ведущую роль. Проблематика настоящего исследования обусловлена отсутствием однозначных критериев, позволяющих правоприменителю точно квалифицировать действия наследника как свидетельствующие о его намерении принять наследство. Разброс судебных подходов, неопределенность категорий, а также затрудненность в сборе и оценке доказательств в указанных спорах указывают на необходимость более четкого теоретического и практического осмысления данного института. Объектом рассмотрения выступают общественные связи, складывающиеся при переходе наследственного имущества. В качестве предмета избраны нормы гражданского права, регулирующие механизмы принятия наследства, а также судебные акты, в которых сформулированы правовые позиции по вопросу доказанности фактического принятия. Исследование опирается на совокупность юридико-догматических, логико-аналитических и сравнительно-правовых методов, дополненных интерпретацией судебных решений и оценкой правовых позиций. Также поднимается вопрос унификации судебной практики через издание Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и обновление Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. В исследовании анализируются предложения ведущих ученых – таких как Е. А. Суханов и М. Ю. Барщевский, которые подчеркивают важность законодательного закрепления презумпции принятия наследства и разработки гибкой модели для признания фактического принятия. Важным элементом работы является также опора на судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, которые играют ключевую роль в обеспечении правовой определенности. В исследовании автором обоснована необходимость законодательного закрепления презумпции фактического принятия наследства, основанной на поведении наследника, свидетельствующем о намерении вступить в наследственные правоотношения (владение, распоряжение, несение расходов, уплата налогов и др.) при отсутствии возражений со стороны иных лиц. Предложен систематизированный перечень юридически значимых действий, позволяющих установить факт принятия наследства без обращения к нотариусу. Перечень имеет открытый характер и ориентирован на нужды правоприменительной практики. Обоснована целесообразность уточнения правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации, направленных на единообразную оценку фактического поведения наследников в отсутствие формального волеизъявления. На основе анализа зарубежного опыта (Франции, Германии, США)

предложена модель заимствования презумпционного подхода, адаптированная к российским реалиям с сохранением гибкости правовой оценки.

Ключевые слова: фактическое принятие наследства, молчаливое согласие, наследственное право, правовая неопределенность, презумпция принятия, судебная практика, международный опыт, применение фактических действий, постсоветское наследственное право, законодательное регулирование, нотариальная регистрация.

Abstract

The phenomenon of actual entry into inheritance rights has long occupied a stable position in the system of inheritance regulation of the Russian Federation. In the presence of the statutory procedure based on the submission of the relevant will to the notary, in practice it is the informalized entry into inheritance that retains its leading role. The problems of this study are caused by the lack of unambiguous criteria that allow the law enforcer to accurately qualify the actions of the heir as evidence of his intention to accept the inheritance. The scattered judicial approaches, the uncertainty of categories, as well as the difficulty in collecting and evaluating evidence in these disputes indicate the need for a clearer theoretical and practical understanding of this institution. The object of consideration is the social relations formed in the process of transfer of inherited property. As a subject we have chosen the norms of civil law regulating the mechanisms of acceptance of inheritance, as well as judicial acts, which formulate legal positions on the issue of proving the actual acceptance. The study relies on a combination of legal-dogmatic, logical-analytical and comparative legal methods, supplemented by interpretation of court decisions and evaluation of legal positions. It also raises the issue of unification of judicial practice through the publication of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and updating of the Review of Judicial Practice. The study analyzes the proposals of leading scientists such as E.A. Sukhanov and M.Y. Barshchevsky, who emphasize the importance of legislative consolidation of the presumption of acceptance of inheritance and the development of a flexible model for the recognition of actual acceptance. An important element of the work is also the reliance on judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation, which play a key role in ensuring legal certainty. In the study, the author substantiated the need for legislative enshrinement of the presumption of actual acceptance of inheritance, based on the behavior of the heir, indicating the intention to enter into inheritance legal relations (possession, disposal, incurring expenses, payment of taxes, etc.) in the absence of objections from other persons. A systematized list of legally significant actions that allow to establish the fact of acceptance of inheritance without going to a notary is proposed. The list has an open character and is oriented to the needs of law enforcement practice. The expediency of clarifying the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, aimed at a uniform assessment of the actual behavior of heirs in the absence of formal will. Based on the analysis of foreign experience (France, Germany, USA) the model of borrowing the presumption approach adapted to Russian realities with preservation of flexibility of legal assessment is proposed.

Keywords: actual acceptance of inheritance, tacit consent, inheritance law, legal uncertainty, presumption of acceptance, judicial practice, international experience, application of actual actions, post-Soviet inheritance law, legislative regulation, notarial registration.

Фактическое принятие наследства представляет собой форму реализации наследственных прав, при которой воля наследника выражается не через обращение к нотариусу, а посредством совершения конкретных, направленных на принятие имущества действий. Такая модель вступления в наследственные отношения, несмотря на формальную альтернативность, по существу, выполняет ту же правовую функцию – закрепление правопреимства.

Согласно пункту 2 статьи 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024), к числу действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, относятся, в частности, владение, управле-

ние, защита имущества, его содержание, а также внесение платежей, связанных с имуществом. Однако приведенный перечень носит примерный характер, что неизбежно влечет за собой сложности в правоприменении и требует комплексного толкования в контексте конкретных жизненных ситуаций.

Формальные признаки фактического принятия включают прежде всего наличие материального интереса наследника, устойчивость и направленность совершаемых им действий, а также внешнюю демонстрацию отношения к имуществу как к собственному. Однако глубинная правовая природа фактического принятия обусловлена не только этими объективными характеристиками, но и субъективным элементом – намерением

приобрести наследственное имущество в полном объеме.

Вопрос фактического принятия наследства продолжает оставаться одним из наиболее актуальных и спорных в области гражданского права. Разнообразие теоретических подходов к этому явлению оказывает значительное влияние на правоприменительную практику, что позволяет выявить как сходства, так и важные различия в трактовке доказательств и методах установления факта вступления в наследственные правоотношения. Указанные подходы представляют собой важный аспект правовой теории, поскольку они определяют, какие действия и обстоятельства могут быть признаны юридически значимыми для признания факта принятия наследства.

Е. А. Суханов, один из ведущих специалистов в области гражданского права, выдвигает формализованный подход к установлению факта принятия наследства. Он подчеркивает, что в качестве доказательства вступления в наследственные отношения должны быть использованы исключительно документальные материалы. В частности, он акцентирует внимание на значении свидетельств, подтверждающих факт управления имуществом наследодателя, а также на активных действиях наследника, таких как использование наследуемых объектов. По мнению автора, отсутствие прямых доказательств принятия наследства не исключает возможности установления факта вступления в наследственные правоотношения при условии, что такие действия могут быть подтверждены косвенными доказательствами, такими как факты использования имущества наследодателя. Эти косвенные доказательства, по его мнению, являются важными индикаторами воли наследника, направленной на принятие наследства¹.

В противоположность этому более гибкую позицию занимает М. Ю. Барщевский. Он утверждает, что факт принятия наследства может быть подтвержден не только посредством активных действий наследника с имуществом, но и через свидетельства о его намерении вступить в наследственные отношения. М. Ю. Барщевский вводит концепцию презумпции фактического принятия наследства, согласно которой совместная регистрация наследника и наследодателя по

одному адресу рассматривается как косвенное доказательство вступления в наследственные отношения. Однако при этом такая презумпция может быть опровергнута, если будут представлены доказательства, указывающие на отсутствие фактического проживания или управления имуществом. Автор акцентирует внимание на необходимости учета всех обстоятельств дела, в том числе доказательств, подтверждающих отсутствие владения имуществом наследодателя [1. – С. 368].

Подобное понимание фактического принятия наследства находит свое отражение и в труде М. С. Абраменкова и А. Г. Сараева. В их учебнике «Наследственное право» подчеркивается, что для признания факта принятия наследства необходимо учитывать как активные действия наследника, так и его намерения, которые могут быть выражены через такие формальные признаки, как регистрация по месту жительства наследодателя. Авторы утверждают, что указанные действия должны подкрепляться объективными доказательствами, что является необходимым для установления факта владения или использования наследуемого имущества².

Одной из ключевых проблем, возникающих в контексте правоприменения норм о фактическом принятии наследства, является отсутствие единообразных критериев для квалификации тех или иных действий наследника в качестве надлежащего волеизъявления на принятие наследства. Законодатель, предлагая лишь открытый перечень возможных форм поведения (п. 2 ст. 1153 ГК РФ), фактически делегирует судам значительную степень усмотрения при оценке конкретных обстоятельств.

Сложности в правовой квалификации усугубляются тем, что однотипные действия в различных делах могут трактоваться по-разному. Так, нахождение наследника в жилом помещении, принадлежавшем наследодателю, в одних случаях расценивается как владение наследственным имуществом, а в других – как проживание по семейным или иным не связанным с наследованием основаниям. Аналогичным образом оплата коммунальных услуг, ремонт или охрана имущества могут быть признаны как действия, направленные

¹ Гражданское право : в 4 т. – Т. 4. / отв. ред. Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2019. – С. 552.

² Абраменков М. С., Сараев А. Г. Наследственное право : учебник для вузов / отв. ред. В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2025.

на принятие наследства, либо как акты текущего управления или заботы, не предполагающие намерения вступить в наследственные права.

Юридическая неопределенность порождает значительные трудности в доказывании. При отсутствии письменного подтверждения намерения наследника суды вынуждены прибегать к анализу совокупности косвенных признаков: свидетельских показаний, платежных документов, переписки, заключенных с третьими лицами договоров. При этом оценка доказательств носит преимущественно субъективный характер, что создает угрозу правовой непредсказуемости.

Кроме того, разрозненность судебных подходов проявляется при рассмотрении дел о восстановлении срока для принятия наследства. В ряде решений суды исходят из того, что фактические действия по принятию имущества в пределах установленного срока сами по себе исключают необходимость его восстановления. В других случаях подобные действия не признаются достаточными для констатации принятия, и наследнику отказывается в удовлетворении иска.

Среди сложных и неоднозначных аспектов российского наследственного права особое место занимает вопрос: можно ли расценивать покрытие расходов по содержанию имущества наследодателя – в частности, оплату коммунальных платежей – как акт фактического принятия наследства? В правоприменительной плоскости подобные кейсы встречаются с регулярностью, однако решения по ним не всегда следуют единой логике. Рассмотрим два конкретных дела из практики Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), иллюстрирующих противоположные подходы к интерпретации схожих ситуаций.

В определении ВС РФ от 1 октября 2024 г. по делу № 5-КГ24-99-К2 ключевым элементом анализа стало поведение вдовца, который, несмотря на формальное бездействие в нотариальной процедуре, продолжил управлять совместным с супругой имуществом. Он не только оставался проживать в жилом помещении, ранее принадлежавшем наследодателю, но и систематически покрывал расходы, связанные с его эксплуатацией, включая платежи за жилищные и коммунальные услуги. Суд, оценивая характер этих действий, пришел к выводу, что они в своей совокупности однозначно свидетельствуют о фактическом принятии наследственной массы. Такой подход соотносится с положениями пункта 2 статьи 1153 ГК РФ, допускающего альтернативный,

неформализованный способ вхождения в наследственные права – посредством объективного выражения воли на принятие имущества.

Напротив, в определении ВС РФ от 7 сентября 2021 г. по делу № 5-КГ21-90-К2 прослеживается другая оценка аналогичной ситуации. Истец настаивала на том, что после смерти родственника она проживала в его квартире и осуществляла оплату жилищно-коммунальных услуг, полагая, что тем самым вступила в наследство. Однако нижестоящие инстанции не усмотрели в ее действиях достаточной степени вовлеченности в управление объектом. В обоснование отказа суды ссылались на отсутствие у заявительницы регистрации по адресу спорного помещения, а также на нерегулярность оплаты услуг. ВС РФ, отменяя состоявшиеся судебные акты, указал, что регистрация по месту жительства не может служить абсолютным критерием, а доказательства фактического обладания имуществом должны оцениваться с учетом конкретных жизненных обстоятельств. Дело было направлено на повторное рассмотрение.

Обобщая, можно отметить, что судебная практика в вопросах фактического принятия наследства через совершение действий, направленных на владение и сохранение имущества, подвержена оценочному восприятию. Покрытие коммунальных платежей само по себе не всегда служит достаточным аргументом, но в комплексе с иными факторами – такими как продолжительное проживание, поддержание объекта в пригодном состоянии, распоряжение им – может рассматриваться как правовое поведение, эквивалентное подаче нотариального заявления о принятии наследства.

Такая неоднородность правоприменительной практики требует доктринального переосмысления и формирования подходов, способствующих стабилизации судебной линии.

Особое внимание следует уделить оценке субъективного элемента – внутреннего намерения наследника принять наследство. Данный критерий, будучи малоподдающимся верификации, в то же время играет важнейшую роль при разрешении споров. В этом контексте возникает необходимость в развитии доктрины добросовестного поведения наследника, а также выработке презумпций, способных устранить пробелы в доказательственной базе.

В совокупности обозначенные проблемы указывают на необходимость выработки как норма-

тивных, так и практико-ориентированных механизмов, обеспечивающих юридическую определенность в вопросах квалификации и доказывания фактического принятия наследства. Потенциальным направлением развития может стать закрепление более детализированных признаков и действий, приравниваемых к принятию, либо законодательное оформление презумпции принятия наследства в случаях, когда наследник вступает во владение и пользование имуществом без возражений со стороны иных претендентов.

Институт фактического принятия наследства, несмотря на свою относительную универсальность как правовой конструкции, демонстрирует значительную вариативность в законодательных решениях различных юрисдикций. Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить как общие тенденции, так и существенные отличия, обусловленные правовыми традициями, историческим развитием и особенностями гражданского оборота.

Исследование зарубежного опыта в области молчаливого согласия при принятии наследства предоставляет ценную информацию для совершенствования правового регулирования в России. В странах континентальной Европы, таких как Германия и Франция, законодательство о фактическом принятии наследства более подробно урегулировано, что исключает правовую неопределенность. Например, во Франции принятие наследства может происходить молчаливо, если наследник совершает действия, которые предполагают наличие у него прав на имущество, такие как управление имуществом или его продажа. Французская судебная практика выработала четкие критерии для квалификации таких действий, что способствует правовой определенности.

В Германии также существует возможность молчаливого принятия наследства, но при этом действия наследника должны быть неоспоримыми и исключать возможность отказа от наследства. В соответствии с § 1943 Гражданского уложения Германии (BGB), наследник может принять наследство через действия, не требующие дополнительного заявления, при условии, что его намерение вступить в наследственные права не вызывает сомнений. Судебная практика в Германии основывается на строгих критериях для минимизации правовой неопределенности.

В праве США ситуация разнообразна в зависимости от штата. Некоторые штаты признают принятие наследства через фактические действия, такие как управление имуществом, однако

для этого требуются убедительные доказательства намерений наследника. В некоторых случаях допускается признание принятия наследства по умолчанию при определенных обстоятельствах, что приближает американскую модель к концепции презумпции принятия.

Несмотря на стремление к формализации наследственного процесса в большинстве стран, правовые порядки различных юрисдикций сохраняют признание фактического поведения наследника как правомерного способа вступления в наследственные отношения. Однако степень допустимости таких действий и подходы к их оценке варьируются. Российская правовая модель представляет собой промежуточный вариант, поскольку фактическое принятие наследства допустимо, но отсутствие четкого законодательного регулирования и презумпций приводит к правовой неопределенности и рискам разночтений в судебной практике.

Международный опыт демонстрирует как возможность успешного внедрения презумпций фактического принятия, так и важность законодательной конкретизации перечня допустимых действий. Эти выводы следует учитывать при разработке предложений по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Современная правовая регламентация института фактического принятия наследства в российском гражданском законодательстве выявляет ряд значительных проблем, требующих детального теоретического осмысления и комплексного реформирования. Одной из наиболее острых является неопределенность в вопросе перечня действий, свидетельствующих о принятии наследства, а также правовая неопределенность относительно правовой природы этих действий. Также остается актуальной проблема неоднородности судебной практики и отсутствия правовых презумпций, что затрудняет единообразное применение норм.

Одним из ключевых направлений совершенствования законодательства является введение презумпции фактического принятия наследства в случае совершения наследником определенных юридически значимых действий. Это могло бы значительно повысить правовую определенность и защиту добросовестных наследников, особенно в тех случаях, когда отсутствует формальное волеизъявление.

Рекомендуется внести в статью 1153 ГК РФ дополнение, устанавливающее, что выполнение наследником шагов по распоряжению, обеспечению сохранности или текущему управлению унаследованным активом (а также иных актов, имеющих целью защиту имущественных интересов наследственной массы) создает презумпцию согласия на вступление в наследство – при условии отсутствия доказательств обратного. Такая правовая конструкция могла бы быть введена по аналогии с частью 2 статьи 1270 ГК РФ, где подразумевается согласие владельца интеллектуального объекта на его использование исходя из его поведения. Применение подобного механизма в наследственном праве может стать инструментом правовой устойчивости и сократить количество конфликтов по поводу факта принятия наследства.

В законодательную часть следует внести положения об ориентировочном списке поступков, способных говорить о намерении наследника вступить в наследство. Среди таких поступков можно выделить:

- финансирование мероприятий по содержанию имущества;
- осуществление платежей налогового и аналогичного характера, связанных с имуществом умершего;
- оформление соглашений, направленных на эксплуатацию, охрану либо менеджмент наследственного объекта (в том числе аренда, договор с охранной организацией);
- инициирование разбирательств в суде для защиты интересов, сопряженных с унаследованной собственностью;
- распоряжение объектом наследства как личной собственностью.

Открытый характер этого перечня сохранит возможность гибкой правовой оценки, одновременно создавая для судов некий ориентир для анализа поведения наследников в конкретных обстоятельствах.

Существующий порядок восстановления пропущенного срока для вхождения в наследство требует конкретизации. Целесообразным видится добавление в статью положения, позволяющего признавать как самостоятельное основание для восстановления срока поведение наследника, объективно указывающее на фактическое принятие наследства даже при отсутствии формального волеизъявления. Однако при этом необходимо

учитывать добросовестность участника и длительность соответствующего поведения.

Для устранения колебаний в правоприменительной практике и обеспечения единообразия решений требуется либо принятие новой позиции Пленума ВС РФ, либо переработка уже существующего Обзора судебной практики ВС РФ с учетом критериев оценки реальных поступков наследников. Подобные разъяснения будут способствовать единообразию подходов к толкованию норм и улучшат правовую предсказуемость при рассмотрении подобных дел.

Важно подчеркнуть: при реформировании механизма признания фактического вступления в наследство необходимо не допустить перекоса в сторону одной из сторон – будь то наследники, кредиторы или иные вовлеченные участники. Несмотря на то, что учет фактического поведения наследника способствует более оперативному оформлению прав, важно предусмотреть гарантии, предотвращающие возможные манипуляции.

К примеру, в ситуациях, когда преемник скрывает от других заинтересованных лиц факт своего вступления в наследственные права, это может создать препятствия для удовлетворения требований кредиторов. Поэтому имеет смысл предусмотреть процессуальные меры, обеспечивающие доступность информации и возможность контроля. В их числе могут быть:

- обязанность уведомления других претендентов и кредиторов о совершении действий, указывающих на принятие наследства;
- право обратиться в суд с запросом о проверке законности и добросовестности таких действий.

Реализация подобных процедур создаст барьеры для злоупотреблений и обеспечит более объективное урегулирование конфликтов, связанных с наследованием.

Переосмысление института молчаливого принятия наследства требует не только законодательных новшеств, но и корректировки правоприменительной системы. Учитывая актуальные юридические реалии, научные подходы и зарубежные практики, возможно выработать продуманную модель регулирования, способную одновременно охранять интересы наследников, обеспечивать права взыскателей и поддерживать стабильность гражданских отношений.

Отдельное значение при формировании подходов к вопросам фактического принятия наследства занимает судебная позиция ВС РФ.

Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» подчеркивается, что действия, направленные на управление, защиту или сохранение наследства, могут свидетельствовать о его принятии. При этом судебные органы обязаны учитывать не отдельные эпизоды, а совокупность факторов: характер поведения, его длительность, направленность и наличие/отсутствие возражений других наследников. Эта позиция заслуживает нормативного закрепления и дальнейшего развития.

Применение единых подходов в правоприменении, что предполагается в рамках предложен-

ных изменений, поможет избежать противоречий в судебной практике и обеспечит защиту прав наследников. Унификация правоприменительной практики посредством обновления Обзора судебной практики ВС РФ с учетом современных реалий и научно обоснованных предложений позволит судьям системно подходить к вопросам фактического принятия наследства, снижая правовую неопределенность и обеспечивая стабильность правоприменительной практики.

Комплексный подход к совершенствованию института фактического принятия наследства, включающий как изменения в законодательстве, так и улучшение правоприменительной практики, позволит обеспечить более справедливое и предсказуемое правовое регулирование в области наследственных правоотношений.

Список литературы

1. Барщевский М. Ю. Наследство и наследники : в 2 т. – Т. 1. – М. : АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2020.
2. Гомонова Э. С. К вопросу о доказывании фактического принятия наследства // Альманах лектория. Майские правовые чтения на Енисее : сборник материалов круглых столов обучающихся. – Красноярск, 2023. – С. 28–31.
3. Распашинова А. В. Фактическое принятие наследства по законодательству Российской Федерации // Оригинальные исследования. – 2024. – Т. 14. – № 1. – С. 233–237.
4. Четырева Л. Л. Презумпция фактического принятия наследства, проблемы, возникающие в правоприменительной практике и возможные пути их решения // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6 (222). – С. 131–134.
5. Читаева Л. Е. Фактическое принятие наследства как один из способов его принятия // Нотариус. – 2021. – № 3. – С. 33–36.